

В. П. Берков

СОВРЕМЕННЫЕ СКАНДИНАВСКИЕ ЯЗЫКИ И ПУРИЗМ

С точки зрения удельного веса заимствований современные скандинавские языки представляют весьма неоднородную картину. Иными словами, пуристические тенденции играли и играют в развитии этих языков разную роль. В этой статье предпринята попытка дать классификацию видов пуризма и выяснить факторы, способствующие успеху деятельности пуристов.

Прежде чем перейти к теме работы, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Представляется целесообразным различать "заимствования для себя" и алиенизмы (экзотизмы). Под первыми понимаются заимствования, используемые для обозначения понятий из жизни заимствующего языкового коллектива, под вторым — обозначения понятий (реалий) из жизни другого языкового коллектива (других языковых коллективов). С этой точки зрения, есть, например, принципиальная разница между употребляемыми в норвежском языке словами anorakk "анорак(а)" (из эскимосского) и ayatollah "аятолла" (из персидского). Первое обозначает класс предметов также норвежской жизни, тогда как второе используется только при описании иранской действительности. Очевидно, что состав алиенизмов, встречающихся в текстах на каком-либо языке, весьма неоднороден по употребительности: есть алиенизмы, обладающие достаточно высокой частотой, если чужая действительность описывается часто (ср., например, норв. dollar "доллар", apartheid "апартеид"), и весьма редкие, в сущности, окказиональные. Разумеется, в составе алиенизмов разных языков есть своя специфика, поскольку между отдельными языковыми коллективами существуют свои связи, которые определяются географическими, историческими и политическими факторами. Например, в норвежском языке

© В. П. Берков, 1994

КАФЕДРА 5063 17
СКАНДИНАВСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

есть ряд слов, обозначающих реалии жизни саами: komager "сапоги из оленьей шкуры", reuk "длиннопольный кафтан из оленьей шкуры мехом наружу", pulk "небольшие сани без полозьев в форме лодки", komae "колыбель (деревянный каркас, обтянутый овечьей шкурой)" и т.д.; эти лексемы употребляются в других скандинавских языках, кроме шведского, лишь окказионально.

Конечно, грань между "заимствованиями для себя" и алиенизмами условна: элемент чужой культуры (в широком смысле) может войти в "свою" культуру (ср., например, итальянское блюдо pizza "пицца", которое распространилось во многих странах, в том числе и в скандинавских), и первоначальный алиенизм превращается в таких случаях в обозначение "своего" явления. Особенно часто это происходит с разного рода блюдами, напитками, играми, танцами и т.п.

Условность этой границы проявляется также и в том, что небольшое количество алиенизмов приобретает дополнительное метафорическое значение, ср. норв. visetang "бумеранг", oaze "оазис", т.е. есть случаи, когда один лексико-семантический вариант представляет собою алиенизм, другой — "заимствование для себя".

Алиенизмы (экзотизмы) в настоящей работе рассматриваться и учитываться не будут.

Второе замечание касается понятия языка-источника. Когда говорится, что то или иное слово либо выражение восходит к определенному языку, вовсе не обязательно подразумевается, что заимствование происходит непосредственно из данного языка. Так, норвежское слово kosmonaut "космонавт", конечно, восходит к греч. kosmos "мир" и nautes "мореплаватель", но создано оно не в Норвегии, а заимствовано из русского. Исландское skápur "шкаф" восходит к средненижнемецкому schar, но, видимо, вошло в язык через посредство датского.

Последнее замечание. Достаточно очевидно, что удельный вес иноязычных элементов в языке и речи существенно различен. Общеизвестен и тот факт, что в книжном стиле эти элементы используются чаще, нежели в разговорном. Однако в исландском языке наблюдается обратная картина: иностранные слова, в соответствии со сложившейся традицией, избегаются на письме, но возможны в разговорной речи (точнее в стиле, который в Скандинавии

называет литературно-разговорным). Например, в исландской речи можно услышать слова *próblem*, *akseptera*, *traktor*, но на письме обычно употребляются эквивалентные им лексемы *vandamál* "проблема", *fallast á e-ð* "принимать что-л.", *dráttarvél* "трактор". Показательно, что исландский "Словарь сленга"¹ помимо бесспорных сленговых лексем включает в себя следующие иностранные слова (в скобках указаны общепринятые единицы): *kúpp* "переворот" (*valdataka*), *krónískir* "хронический" (*stöðugur*), *garanterera* "гарантировать" (*ábyrgjast*, *tryggja*), *filma* "фильм" (*kvikmynd*), *instrument* "музыкальный инструмент" (*hljóðfæri*) и т.д.

Как известно, наиболее пуристическим среди современных скандинавских языков является исландский. Близок к нему по небольшому количеству прямых заимствований фарерский язык. Затем следует "новонорвежский". Шведский, датский и в несколько меньшей мере норвежский — букмол с этой точки зрения существенно не различаются и, в общем, мало пуристичны. Иными словами, наиболее пуристичны западноскандинавские языки (букмол, как мы знаем, занимает промежуточное положение между западными и восточными скандинавскими языками).

Пуризм, свойственный западноскандинавским языкам, носит различный характер. Достаточно отчетливо выделяются две его разновидности.

Первую разновидность можно назвать г л о б а л ь н ы м пуризмом. Пуризм такого вида направлен против любых иностранных слов, независимо от их происхождения. Таков среди рассматриваемых здесь языков прежде всего исландский пуризм. Исландскому языку в равной степени присуще стремление избегать интернационализмов, созданных из элементов латини и греческого, слов из английского, датского, французского и т.д. языков, ср. геронтология — *öldrunarfræði*, интерференция (физ.) — *ölduvíxl*, компьютер — *tölva*, клиринг — *jafnkeypisviðskipti*, увертюра — *forleikur*, коллаж — *urplímingarmynd*, сигара — *vindill* и т.д.

Сходное положение наблюдается в фарерском языке. Основным способом создания обозначений для новых понятий является калькирование (особенно датских и исландских слов), а также прямые заимствования из исландского, ср. лаборатория — *royndarstofa* (исл. *tilraunastofa*), телетайп — *fjarskrivari* (дат. *fjernskri-*

ver), пенсия - eftirlön (исл. eftirlaun), экземпляр - eintak (так же по-исландски), кризис - kreppa (то же), рекорд - met (то же) и т.д. Есть, конечно, и чисто фарерские неологизмы, например, mannagonga "метод", ítriv "хобби", kjak (tjak) "дискуссия, дебаты", но их, в общем, немного. Характерно, что есть немало примеров параллельного употребления калек (с исландского) и интернационализмов: stjólsháfræði и astronomi "астрономия", skurðlækni и kirurgur "хирург", tónleikur и músikur "музыка" и др. Таким образом, фарерский язык в определенной степени менее пуристичен, нежели исландский, а глобальный характер фарерского пуризма не распространяется на исландский языковой материал. Более того, исландское влияние на фарерский столь велико, что вызывает опасения у ряда фарерцев².

Вторая разновидность может быть названа и з б и р а - т е л ь н ы м пуризмом. В этом случае избегаются заимствования из какого-либо одного конкретного языка, тогда как иностранные слова иного происхождения в язык допускаются. Эта разновидность пуризма прежде всего характерна для современного "новонорвежского", нормализаторы которого нетерпимы в первую очередь к словам, общим для букмола и датского (в частности, нижненемецкого происхождения), особенно к тем, которые имеют аффиксы, не характерные для норвежских диалектов (безударные приставки, некоторые суффиксы и т.п.). Следует помнить, что "новонорвежский" - язык не естественный, а синтезированный, и поэтому лексика его - результат целенаправленной деятельности, продуманного отбора. При формировании его лексики нормализаторы зачастую как бы "отталкивались" от датско-норвежских лексем, даже если те были достаточно широко распространены в диалектах, ствергали их как "не норвежские". Примерами таких "новонорвежских" слов могут быть следующие (в скобках даны слова букмола): byrja "начинать(ся)" (begynne), rørslе "движение" (bevegelse), kjensle "чувство" (følelse), løyve "разрешение" (tillatelse), halda fram með "продолжать" (fortsette) и т.п. Примеры слов с иными аффиксами, нежели в букмол: friðon "свобода" (букмол: frihet), motsetnad "противоречие" (motsætning), storleik "величина" (størrelse), skilnad "различие" (forskjell), uliksкаp "неравенство" (ulikhet) и т.д.

Избирательность пуризма – явление для "новонорвежского" сравнительно новое. С момента создания "новонорвежского" – выхода в свет известной книги Ивара Осена в 1853 г. – для языка был характерен глобальный пуризм, причем весьма жесткий. Изменение в отношении к иноязычным заимствованиям связано, как представляется, с желанием сторонников "новонорвежского" изменить его статус и повысить его престиж: превратить его из языка прежде всего сельской Норвегии в полноценный язык культуры и науки. Это, естественно, можно сделать, лишь допустив в широком масштабе в язык интернациональные термины. (Конечно, теоретически возможен и исландский путь – создание научно-технической терминологии из элементов родного языка, что, по ряду причин, в Норвегии едва ли осуществимо. Главнейшая причина: увеличился бы разрыв между этим вариантом норвежского языка и букмолем.)

В сущности, избирательным пуризмом является и осуществляющаяся исподволь и понемногу "норвегизация" букмола. Этот сложный и неравномерно протекающий процесс затрагивает также морфологию языка, но это – особая тема³. Объект "норвегизации" – тот же, что и у "новонорвежского", – изначально датские лексемы и формы. Однако между "новонорвежским" и букмолем есть одна существенная разница, связанная с самим направлением пуристической деятельности. Это приводит нас к другой, пересекающейся с данной выше, классификации пуризма.

Объектом пуристической деятельности могут быть лексические единицы иностранного происхождения, уже проникшие в язык, укоренившиеся в нем в большей или меньшей степени, и слова – обозначения новых понятий, еще не получившие наименования в данном языке. Иными словами, один вид пуризма заключается в том, что из языка изгоняются лексемы, уже в нем бытующие, и заменяются другими, другой – в том, что с самого начала не допускаются в язык прямые иноязычные заимствования, а из средств родного языка создаются новые слова – эквиваленты иностранным. Первый тип пуризма можно назвать изменительным, второй – охранительным.

"Норвегизация" букмола – характерный пример изменительного пуризма. Деятельность эта началась еще в прошлом веке. Наиболее значительной фигурой был Кнуд Кнудсен (1812–1895), в своей известной книге "Неорвежское и норвежское, или замена ино-

странных слов" (1881) предложивший многие тысячи пуристических замен иноязычных заимствований; характерно, что вошло в язык всего несколько созданных им слов, причем лишь как параллельные к сохранившимся иноязычным. Оставляя в стороне проблему "фонетической норвегизации" букмола, т.е. придания "датско-норвежским" словам специфически норвежской звуковой формы (дат.-норв. *ø*; *dugg, bro, kurv, hånd* → *øy, dogg, bru, korg, hand*⁴), а также категорию чисто норвежских лексем, т.е. единиц, не имеющих этимологических соответствий в датском и вошедших в литературный язык из диалектов (типа *jente* "девушка", *li* "склон, поросший лесом" и аналогичные), отметим некоторые результаты изменительной пуристической деятельности норвежских нормализаторов. Это прежде всего изменение морфологической структуры слова - замена словообразовательных форматов (включая использование нулевого). Так, традиционные ("датско-норвежские") формы *ansøknin* "заявление", *unntagelse/unntakelse* "исключение", *skrivelse* "документ (официальная бумага)", *stavelse* "слог", *bemærke* "замечать" и т.п., в общем, вытеснены формами *søknad* (-nad - чисто норвежский суффикс, отсутствующий в датском), *unntak, skriv, staving, merke* и т.д. Впрочем, в данном случае неясно, результат ли это сознательной деятельности нормализаторов либо же результат демократизации языка как следствие демократизации общества. Вместе с тем нет оснований и переоценивать масштабы изменительного пуризма в букмоле.

Хорошо известно, как велико влияние английского языка на современные языки Западной Европы, в том числе скандинавские. В общем, они широко открыты для прямых и семантических заимствований из английского, что хорошо прослеживается как по текстам, так и по словарям новых слов⁵, а также различным периодическим изданиям, посвященным языку⁶.

Во всех скандинавских странах делаются попытки в какой-то мере ограничить проникновение такого множества английских заимствований, бороться с этой, как ее называют, "английской болезнью". Подход, однако, здесь разный. Для исландского и - в несколько меньшей мере - фарерского языков характерен оградительный пуризм, для других - изменительный. Например, если понятие, выражаемое английским термином *feedback* "обратная связь", сразу было обозначено в исландском словом *endurgjöf* букв. "обратная дача", то в норвежском длительное время использовалось

прямое заимствование feedback, лишь в последние годы вытесняемое словами-заменителями tilbakemelding, tilbakekobling, tilbakemating и др.

Итак, наиболее пуристические из современных скандинавских языков - это исландский, фарерский и "новонорвежский". Причина этого, как представляется, достаточно очевидна.

Пуризм возникает не сам по себе, а как проявление определенного умонастроения общества, как его реакция на некоторые социально-исторические условия. Как правило, он связан с национально-патриотическим движением у народов, позднее других приобщающихся к современной культуре, науке и технике. Естественно, что в этих социально-исторических условиях названных языковых коллективов есть и общие, и индивидуальные черты.

Общими в рассматриваемом случае являются следующие моменты. И исландцы, и фарерцы, и говорящие на "новонорвежском" - небольшие языковые коллективы: исландцев - около 240 тысяч, фарерцев - около 50 тысяч, "новонорвежский" является "первым" языком, по нашей оценке, максимум для 600 тысяч (реально, скорее всего, это число много меньше). Все три названных языка до недавнего времени были языком сельского населения - крестьян и рыбаков. Норвегия получила полную государственную самостоятельность в 1905 г., Исландия - в 1944 г., а Фарерские острова до сих пор входят в состав Дании, правда, получили автономию в 1948 г. Все три языка должны были в XX в. стать полноценными языками, способными обслуживать современную науку, технику, культуру, социальные отношения и т.д., сохранив при этом свой характер языка "простого народа".

Есть при этом, разумеется, и особенности в социолингвистической ситуации каждого из этих языков.

Исландский язык - язык с длительной культурной традицией, функционирующей в стране, в которой уже много веков сплошная грамотность. Исландцы ограждали и ограждают свой язык от иноязычных слов не только потому, что книга испокон веков была обращена к грамотному, но и необразованному крестьянину, но и потому, что для этого народа язык - национальное сокровище, реликвия, символ своей неповторимой культуры⁷. Со многими обозначениями социальных понятий исландец впервые знакомится в иноязычной форме, многие интернационализмы для него вполне ес-

тественны, но, следуя традиции, он по возможности избегает их на письме, о чем уже говорилось.

Фарерский язык стал применяться для научно-технических и аналогичных текстов лишь в самые последние десятилетия. Существенно, что фарерцы — билингвы, по-датски они читают, по крайней мере, не меньше, чем по-фарерски. У них нет такой сильной традиции пуристических замен, как у исландцев, деятельность которых в этой области берется ими за образец.

Специфической является ситуация "новонорвежского". Для успешного его функционирования во всех областях, в том числе в качестве языка науки и техники, он должен не уступать по возможности букмолу по разработанности, точности и — что очень важно — понятности терминологии. В сущности, количество чисто "новонорвежских" лексем (т.е. лексем, не имеющих этимологических соответствий в букмоле, примеры см. выше), в общем, не очень велико. Изучение "новонорвежского" в школе (имеются в виду учащиеся, для которых преподавание ведется на букмоле), использование до 25% времени для радио- и телевизионных передач на "новонорвежском" и т.д. обуславливает довольно хорошее пассивное владение им носителями букмола. Создание особой, чисто "новонорвежской" научно-технической терминологии (по образцу исландской), как уже говорилось, увеличило бы разрыв между этими вариантами норвежского языка, сделало бы "новонорвежский" менее понятным носителям букмола (а их более 80% населения).

Шведский и датский языки, напротив, наименее пуристичны среди скандинавских. Объясняется это, на наш взгляд, социоисторическими моментами: это давно сформировавшиеся полноценные литературные языки крупных социумов, несколько веков являющихся независимыми государственными образованиями.

Примечания

¹ M ö r ð u r Árnason, S v a v a r Sigmundsson, Ór-
l ó f u r Þorsson. Orðabók um slangur. [Reykjavík], 1982.

² S l a u e s n U. Nyord i färöiskan: Ett bidrag til be-
lysning av språksituationen på Färöerna: (Acta universitatis
Stockholmiensis. New Series, 14). Stockholm, 1978. S.30-31.

³ Подробнее см., в частности: Б е р к о в В.П. 1) Языко-
вое положение в Норвегии / Ареальные исследования в языкозна-
нии и этнографии: Язык и этнос. Л., 1983. С.50-66; 2) О стату-

сә грамматического женского рода в современном букмоле: (К вопросу о языковом планировании) // Скандинавские языки: Актуальные проблемы грамматической теории. М., 1984. С.43-58.

⁴ Далекo не все такие "норвегизированные" формы в равной степени характерны для той реальной нормы литературного букмола, который называется *standard østnorsk*. Из приведенных примеров бесспорно закрепились лишь форма *bu*.

⁵ Например: *N o r d i norsk*. 1945-1975. Bergen; Oslo; Tromsø, 1982.

⁶ Например, *Språknytt: Meldingsblad for Norsk språkråd*.

⁷ См., в частности: Б е р к о в В.П. Обозначения новых понятий в современном исландском языке // *Scandinavica I*. Л., 1961. С.74-75; Б е р к о в В.П. *Isländische Entspruchungen internationaler Termini* // *Nordeuropa-Studien*. (Greifswald) 1984. N 18. S.62-63.

V.P.BERKOV. MODERNE NORDISKE SPRÅK OG PURISME

I artikkelen foreslås to klassifikasjoner av purisme. Ifølge den første skjelnes det mellom global og selektiv purisme. Den globale purisme er rettet mot alle fremmedord uansett deres opprinnelse (islandsk, færøysk, den selektive purisme er rettet mot et konkret språk (moderne nynorsk, fornorsk av bokmålet). Ifølge den andre klassifikasjonen skjelnes det mellom vernende og forandrende purisme. Målet til den vernende purisme er at fremmedord ikke engang slippes inn i språket: når det kommer et nytt begrep, får det straks en betegnelse laget av egne språkvidler. Den forandrende purisme består i at fremmedord som alt har fått innpass i språket, avlõeses av nye betegnelser. I slutten av artikkelen analyseres de faktorer som forårsaker et språks puristiske karakter.

С.С.Маслова-Ламанская

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

На материале ряда языков установлено, что словообразование имеет две функции: функцию создания номинативных единиц языка, однословно выражающих лексические понятия, и функцию синтаксического средства, передающего отношения, которые складываются в процессе речевой коммуникации.

© С.С.Маслова-Ламанская, 1994